

Паняцце аномаліі не вельмі ўпісваецца ў класічную антычную канцэпцыю прыгажосці і гармоніі, якая звязвае дадзеныя праявы з катэгорыямі меры, прапорцыі, упарадкаванасці, сувымернасці і г.д. Спрабуючы адшукаць альтэрнатыўныя тэорыі, якія б поўна і адэкватна апісвалі эстэтычны кшталт анмалій, а таксама засведчвалі іх уллучанасць у канцэпт мастацкай і штодзённай гармоніі, мы звярнулі ўвагу на традыцыйныя паняткі філасофіі і рэлігіі Японіі, а менавіта на панятак *вабі-сабі*, які ставіць акцэнт на прыгажосці ўзаемадзеяння дасканаласці і недасканаласці, пранікнення элементаў недасканаласці ў дасканаласць і як вынік авысакароджвання апошняй за кошт ускладнення, дэфармацыі яе ўнутранага эстэтычнага рытму. Гэта пацёртасць фактуры, крывізна формы і асіметрычнасць дэталей, а разам з тым і іншы ўзровень эстэтычнага ўспрымання, на якім прыгажосць мысліцца і па-за межамі выверанай упарадкаванасці.

Новы погляд на няправільнасць і яе актыўнае задзейнічанне ў побытавым жыцці і мастацтве прадываюцца сцвярджаннем з нядаўняга часу іншай эстэтычнай парадыгмы ў сусветнай культуры, якая і прыўносіць аномальныя тэндэнцыі ў прыватнасці і ў сучасную паэзію. Але гэта не проста даніна модзе, як можна было б падумаць, а разгортванне згодна з апісанымі вышэй фундаментальнымі эстэтычнымі, псіхалагічнымі і структурнымі законамі ўспрымання збалансаванай дыялектычнай прыгажосці ва ўзаемадзеянні правільнага і няправільнага.

ЛІТАРАТУРА

1. *Седакова, О. А.* Чтобы речь стала твоей речью : интервью В. Полухиной / О. А. Седакова // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 17. – С. 318–354.
2. *Эко, У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник, А. В. Погоняйло. – СПб : Симпозиум, 2006. – 544 с.
3. *Шатин, Ю. В.* Ритм как система и как феномен. Два способа интерпретации русского стихотворного текста / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – 2016. – № 1. – С. 26 – 35.

The article deals with the issue of irregular rhythm in poetry as a form of language anomaly. It discusses the phenomenon of rhythm-based anomalies from the semiotic prospective and analyses its stylistic functions and information capacity.

Е. А. Булат
(Минск, Беларусь)

ОТРИЦАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Предметом исследования являются языковые средства выражения отрицания в коммуникативном процессе на материале испаноязычной публицистики. Анализируется принцип отрицания в газетном тексте с учетом прагматической концепции и в фокусе

понимания отрицания как функционально-семантической категории. Рассматриваются особенности использования языковых моделей негации в публичных выступлениях испаноязычных политиков с целью моделирования восприятия аудиторией передаваемой информации.

Ключевые слова: *негация, реципиент, антитеза, парадокс, литота, гипофора, манипуляция, иллюкутивная составляющая, контекст, модальность.*

Методологическая роль принципа отрицания в научно-теоретическом познании заключается в том, что он является универсальной формой предметного мира и человеческого мышления. Прагматическое стремление воспринимать информацию посредством анализа и синтеза отражает попытку человека постичь причинно-следственные связи в окружающей действительности. Предметом нашего исследования являются языковые средства выражения отрицания в коммуникативном процессе на материале испаноязычной публицистики.

Язык обладает достаточными средствами передачи отрицательного значения. В газетном испаноязычном тексте категория отрицания реализуется посредством целого комплекса средств выражения своих значений: морфологических, синтаксических, лексических. Остановимся на наиболее характерных приемах негации, используемых испаноязычными политиками как средством манипуляции общественным сознанием. Прежде всего, они применяют стилистические приемы (в том числе и прием контраста) с тем, чтобы добиться максимального экспрессивного эффекта и акцентировать внимание адресата на узловых моментах передаваемой информации. Так, выразительным приемом ораторской речи, способным организовать вокруг себя значительную часть политического текста, является *антитеза*, представляющая собой достаточно сложное – с семантической, прагматической и функциональной точек зрения – явление, языковая природа которого не однозначна.

Проанализируем использование антитезы в речи нынешнего премьер-министра Испании Педро Санчеса во время предвыборных политических дебатов: *¿Va a dimitir, señor Rajoy, o va a continuar aferrado al cargo... ?* [1]. Прибегая к данному риторическому приему, политик усиливает коммуникативную направленность текста и акцентирует внимание на ключевых идеях своего выступления. Тем самым оратор более ярко выражает свою позицию, так как структурная симметричность и аналитический характер антитезы способствуют убеждению аудитории в достоверности излагаемой информации. Однако полярность положительного и отрицательного относительна. И если в логике достаточно четко прослеживаются различия между суждениями аффирмации и негации, то наличие отрицательных средств в языковой структуре не гарантирует отрицательного содержания логического умозаключения, которое презентует данная языковая модель.

В языковых презентациях положительный и отрицательный полюса реализуются только в своем взаимоотношении, так как эти категории не только не взаимоисключающие, но и взаимно подразумевающие. Одна и та же идея может быть выражена как в утвердительном, так и в отрицательном суждении, вербализованном соответствующей конструкцией. Таким образом, несмотря на то, что антитеза включает в себя в качестве понятийной основы антонимию, она может одновременно объединять противоположные полюса универсального явления: *Una cosa es lo que se dice y otra lo que se hace, y otra muy diferente es lo que se dice que se hace* [2]. В данном фрагменте дискурса Николаса Мадуро, президента Боливарианской Республики Венесуэла, многократно и очень наглядно противопоставляются одни и те же лексические единицы, образуя в пределах одной лексемы сложную в функционально-семантическом отношении антитезу. Наличие широкого диапазона эмоциональных и идеологических коннотаций в выступлении венесуэльского политика создает хорошо прослеживаемую симметрию и обеспечивает выразительную смысловую соотнесенность компонентов текста. Оригинальным примером построения антитезы в пределах одной лексической единицы служит также высказывание Педро Санчеса: *Su respuesta, o mejor dicho, su no respuesta, no es digna...* [1]. Таким образом, можно заключить, что конструирование коммуникантом тех или иных идейно-политических установок в сознании адресата моделирует нужный вектор его отношения к содержанию политической речи.

К эффективным ораторским приемам негации относится также фигура *литоты*, к которой прибегает председатель сената Испании Пио Гарсиа-Эскудеро для выделения значимой информации в своем выступлении: *Quisiera referirme a otro aspecto en las relaciones entre nuestros países que tampoco ha dejado de experimentar que posee una fundamental importancia extratégica* [3]. Аналогичного эффекта привлечения внимания аудитории за счет двойного отрицания достигает каталонский политический лидер Карлес Пучдемон: *... no quería dejar pasar la ocasión de enviaros un mensaje de buenos augurios para el nuevo año* [4].

В текстах политических дискурсов на испанском языке нами выявлено использование еще одного способа манипуляции сознанием социума – *парадиастолы*. Этот прием состоит в усилении одного компонента через отрицание другого (семантически близкого). Приведем пример из речи президента Боливии Эво Моралеса: *Guerra contra guerra no es igual a paz* [5]. В данном случае речевое воздействие обусловлено не противопоставлением антонимичных лексем *guerra* и *paz*, а указанием на различительные признаки в структуре полисемантической лексической единицы *guerra*, что моделирует запрограммированное адресантом восприятие аудиторией предмета речи.

Еще одним эффективным манипуляционным приемом испаноязычных политиков является *гипофора*, которая представляет собой имплицитную либо эксплицитную ссылку на позицию противника с целью ее немедленного

опровержения. Ярким примером данного манипулятивного хода служит речь К. Пучдемона: *El presidente Rajoy propuso a los socios de la Unión Europea una solución rápida e indolora, un remedio casi milagroso, que resolvería el pleito catalán... Pues no.* [4]. Таким же синтаксическим приемом изобилуют политические речи Педро Санчеса: *Señorías, habrá quien tenga la tentación de agitar fantasmas del pasado para frenar la incuestionable fuerza moral de esta moción de censura* [1]. Показательна в этом отношении его речь, направленная на критику правительства Мариано Рахоя: *En la forma, -por mucho que usted, en fin, se empeñe en cuestionarlo – , en la forma de esta moción emana del artículo 113 de la Constitución Española* [1]. Отрицание политической линии Мариано Рахоя и указание на необходимость его немедленной отставки представляют собой ключевую модальность обличительной речи Педро Санчеса: *¿Qué más tiene que pasar, señor Rajoy, para que entienda que su permanencia al frente de la presidencia del Gobierno es dañina y es un lastre no solamente para el país sino para su propio partido?* [1]. В данном примере коммуникативная составляющая речи испанского оратора усиливается вопросительной конструкцией и прямым обращением к политическому противнику.

Опираясь на прием гипофоры, политик может усилить иллюкативную составляющую своего выступления при манипуляции антонимическими единицами, как, например, в случае провокационного обращения Педро Санчеса к политическому оппоненту: *¿Va a dimitir, señor Rajoy, o va a continuar aferrado al cargo debilitando la democracia y debilitando y devaluando la calidad institucional de la presidencia del Gobierno?* [1]. Апелляция к данному синтаксическому приему позволила оратору акцентировать и довести до сознания слушателей наиболее слабые и уязвимые моменты в правлении М. Рахоя. Таким способом оратор конструирует коммуникативную ситуацию, вовлекая адресата в диалог и подготавливая его к восприятию последующей информации, что служит действенным средством развертывания скрытой полемики.

Таким образом, отрицание, будучи одной из значимых категорий языка, обусловленной стремлением человека к дифференциации явлений действительности, способствует усилению эмоциональной окраски публицистического дискурса и активизирует содержащуюся в нем коммуникативную установку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Discurso de Pedro Sánchez en el debate de la moción de censura contra el Gobierno de Rajoy. 31.05.2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.psoe.es>. – Date of access: 03.01.2019.
2. El País [Electronic resource]. – Mode of access : <https://elpais.com/> – Date of access : 03.01.2019.
3. Discurso del presidente del senado Pío García-Escudero [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.senado.es>. – Date of access : 03.01.2019.

4. El discurso íntegro de Puigdemont en Copenhague. El Nacional. Copenhague, lunes 22 de enero de 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.elperiodico.com>. – Date of access : 03.01.2019.

5. El Mundo [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.elmundo.es/> – Date of access : 03.01.2019.

Means of denial expression in the communicative process of the Spanish media are under consideration in this article.

В. Д. Бурло
(Минск, Беларусь)

О НАБЛЮДЕНИЯХ НАД ОТДЕЛЬНЫМИ ФАКТАМИ СОВРЕМЕННОГО РАЗГОВОРНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ДИСКУРСА

Несмотря на обилие исследований в разных языках и, следовательно, мнений вопрос об отличии широко понимаемых дискурсивных слов и слов-паразитов остается открытым. В статье анализируются примеры слов и выражений, получивших широкое употребление в разговорном французском дискурсе. Представляется необходимым дальнейшее их изучение, однако распространение данного явления в речи далеко не безобидно.

Ключевые слова: *разговорный дискурс, дискурсивные маркеры, слова-паразиты, прагматические функции.*

Любой язык не стоит на месте: он развивается, обогащается новой лексикой, приобретает различные лексические и синтаксические средства или, используя уже существующие единицы, сообщает им новые функции (структуризации дискурса, выражения различных прагматических значений, создания экспрессии и т.п.).

Обратим внимание на единицы, уже давно и широко исследуемые в разных языках, однако до сих пор не получившие однозначного названия и определения, – так называемые дискурсивные маркеры, или слова, практически встречающиеся не только в разговорном дискурсе. Речь идет о таких единицах, как: в русском языке – *ну, значит, типа, короче, в общем, это, это самое, так сказать* и т. п. (которые еще называются часто «словами-паразитами»), а во французском – *genre, donc, voila, quoi, tu vois, je veux dire, tu sais* и многие другие. Считается, что понятие дискурсивного слова восходит к учению известного французского лингвиста О. Дюкро, а затем развито в трудах итальянского исследователя А. Кюлиоли [1], а термин *дискурсивные маркеры* – в работах Ж. Дости [2]. С этими терминами постоянно конкурируют модальные слова [3], частицы высказывания (*particules énonciatives*) [1], коннекторы в широком смысле, или маркеры структурирования речи (*marqueurs de structuration de la conversation*) [4, p. 1052] и т. п.